

Александр СОЛОВЬЁВ:

ХОРОВОЕ ИСКУССТВО ДОЛЖНО СТАТЬ ВОСТРЕБОВАННЫМ

Евгения КРИВИЦКАЯ

– Можно ли сказать, что Камерный хор Московской консерватории предопределил направление вашей творческой жизни?

– Конечно, да – и не только моей, но и вообще многих студентов, певших в нем. Это не общие слова. Профессор Тевлин учил нас не только профессии, но и жизненным принципам. Влияние Камерного хора на судьбу нескольких поколений консерваторцев переоценить невозможно. Практически все, кто вкусил радость творческих побед в качестве артиста хора, возглавили ныне ведущие коллективы как в России, так и за рубежом, успешно работают в качестве хормейстеров и певцов.

– Камерный хор ведь «заточен» под современный репертуар. Не было ощущения, что это одностороннее образование – без Баха, Моцарта, романтиков...

– Это поверхностный взгляд. Если мы изучим программы за неполные 20 лет существования коллектива, то увидим, что в процентном отношении классический репертуар едва ли уступает количеству современных пьес – подчеркну, что многие новые партитуры были написаны специально для Камерного хора.

Благодаря сотрудничеству с крупнейшими дирижерами нашего времени – Гергиевым, Башметом, Плетневым, Федосеевым, Юровским, Симоновым, Сладковским, Курентзисом – мы участвовали в концертных исполнениях многих классических опер, кантатно-ораториальных сочинений Моцарта, Бетховена, Верди, Чайковского, Рахманинова. Всего перечислить просто невозможно. Конечно, творчество современных авторов было и остается доминантой нашей деятельности, что выделяет Камерный хор среди большинства российских коллективов. Важно упомянуть о роскоши человеческого общения с композиторами, которые приходили на наши репетиции. Называть эти великие имена – одно удоволь-

ствие. Чтобы не обидеть никого, я выделю лишь одну персону – Родиона Константиновича Щедрина, к чьим партитурам наш хор обращается постоянно. Например, хоровая опера «Боярыня Морозова» была написана специально для Камерного хора по заказу Бориса Тевлина, Диптих на стихи Вознесенского, «Аве Майя», «Серенада» – все это прозвучало впервые в нашем исполнении, не говоря уже о более ранних сочинениях, одно из которых – визитная карточка коллектива – сценически поставленная поэма «Казнь Пугачёва». Без творчества этого мастера представить репертуар Камерного хора невозможно. Мне довелось побывать в Мариинском театре на премьере новой оперы Щедрина «Левша» под управлением maestro Гергиева. Впечатление колоссальное: виртуознейшие сольные партии, яркие ансамбли и сложнейшие хоровые сцены, буйство тембровых колоритов и сочетаний в оркестровой партитуре, динамические и образные контрасты... Очень надеюсь, что Родион Константинович доверит Камерному хору исполнение фрагментов этого сочинения в рамках «Московской осени».

– После ухода из жизни Бориса Тевлина бразды правления в Камерном хоре перешли в ваши руки. В чем вы видите свою миссию?

– Это серьезная тема. Безусловно – продолжение традиций, заложенных основателем коллектива. В плане репертуарной политики, о чем мы говорили, и в поиске новых путей. Мне приходилось принимать участие в работе жюри международных хоровых конкурсов, знакомиться с тем, что сейчас делают западные коллективы, взяв на заметку интересные произведения, звучащие в их программах. Большинство партитур у нас неизвестны, и считаю важным, чтобы мы не замыкались только на отечественной музыке. Так в минувшем сезоне нами были исполнены сочинения литовских композито-

Хоровое пение сейчас – в центре внимания государства и общества. Но без талантливых руководителей, не только владеющих секретами профессии, но и обладающих сильными организаторскими способностями, вряд ли возможно надеяться на скорое возрождение «сломанной» в 1990-х годах системы всеобщего хорового воспитания.

Александр Соловьёв возглавил Камерный хор Московской консерватории – один из ведущих хоровых коллективов России – ровно год назад, после ухода из жизни его основателя, народного артиста России, профессора Бориса

Тевлина. Перелистав программки прошедшего сезона, видим, что коллектив в своей деятельности не «сбавил оборотов» и живет интенсивнейшей творческой жизнью. Гастроли в Японии, Молдове, Абхазии, Греции, участие в симфонических программах Владимира Юровского, в разнообразных столичных фестивалях (подробнее об этом коллективе см. статью «Под сенью саккуры» на с.54). И это помимо ежемесячных, а иногда и еженедельных текущих выступлений в залах Московской консерватории, поездок по России.

Продолжив дело учителя и прове-

дя VII Осенний хоровой фестиваль, Александр Соловьёв выступил инициатором совершенно нового фестиваля – «Дню Победы посвящается...», с успехом прошедшего в мае 2013 года. А впереди другие интересные проекты, в частности, проведение в марте 2014 года Первого международного конкурса хоровых дирижеров, председателем которого согласился стать Родион Щедрин. Среди круговерти репетиций, концертов мы побеседовали с Александром Соловьёвым о том, легко ли стать хоровым дирижером, а также о перспективах этого прекрасного искусства.

ров Баркаускаса и Мишкиниса, а также австралийца Стефана Лика. Важное направление деятельности – проведение на базе хора мастер-классов с привлечением известных хормейстеров-практиков. В минувшем сезоне их прошло несколько. Особо выделю творческий контакт с Владимиром Николаевичем Мининым. Мне представляется, что эту встречу ребята запомнят на всю жизнь!

– Камерный хор – учебный коллектив, а значит, его состав постоянно меняется. Удастся ли в этой ситуации сохранять единую стилистику, эталон звучания хора?

– Смена поколений происходит гибко. Оканчивает около 10 человек и поступает примерно столько же, а костяк из 30 человек остается постоянным. Скажу больше: часть выпускников, давно окончив, продолжает выступать в составе Камерного хора. Потому что для них – это определенная система координат, из которой они не хотят выпадать. С 2011 года, когда по решению нашего ректора, профессора Александра Сергеевича Соколова (инициатора рождения и Камерного хора) Борис Тевлин создал и возглавил новую кафедру современного хорового исполнительского искусства, половина времени коллектива уходит на практику студентов: это и курсовые хоры, и исполнение дипломных программ государственного экзамена. Все это вносит коррективы и сложности в развитии хора как концертной единицы.

– Если оглянуться назад: вы сознательно выбрали профессию хорового дирижера или на все воля случая?

– Мои родители – инженеры-математики, по счастливому стечению обстоятельств всегда находились в окружении музыкантов и композиторов, которые бывали у нас дома. Так что с детства был погружен в артистическую атмосферу. Мои первые музыкальные впечатления связаны с абонементом Светланы Виноградовой: на ее лекции в Концертном зале Чайковского меня водили с пяти лет. Пусть не все понимал, когда-то и скачал – уже и люстры все пересмотришь, и публику пересчита-

ешь, – но все равно подспудно информация усваивалась, формируя тот самый бэкграунд.

Поскольку мы жили рядом с Детской музыкальной школой имени Дунаевского, то свои первые шаги в музыке я сделал на фортепианном отделении. Это очень хорошее учебное заведение, с традициями, замечательными педагогами, умеющими увлечь ребенка в мир музыки. С благодарностью вспоминаю уроки с Натальей Борисовной Козиной, моей учительницей в классе специального фортепиано. Во многом благодаря им уже в 4-5 классах школы вопрос жизненного выбора определился: мне стало ясно, что я должен реализовать себя в сфере музыкального искусства, в творческой профессии.

► С Борисом Тевлиным. 1999

С особой теплотой вспоминаю дополнительные занятия после окончания школы с Маргаритой Александровной Андреевой, ставшей на долгие годы моим добрым другом. Ее светлой памяти мы учредили специальный приз на конкурсе юных музыкантов «Vivat Musica!»

Судьба подарила мне шанс, когда по рекомендации знакомых родители привели меня на прослушивание в училище имени Гнесиных, на консультацию к заведующему дирижерско-хоровым отделением Сергею Александровичу Бородину – знаковой фигуре в хоровой педагогике. Он прослушал меня и допустил до экзаменов: так я, фактически случайно, попал в мир хорового искусства, с которым связан уже более 20 лет.

– Потом была Московская консерватория?

– Окончив Гнесинское училище с красным дипломом, я планировал поступать дальше в Российскую академию музыки и даже консультировался у Людмилы Андриановны Поповой, тогдашнего декана хорового факультета. Но в самый последний момент решил подать документы и в консерваторию. Я честно в этом признался, и она отнеслась с пониманием к этому решению, сказав: «Учат и там, и там хорошо, но, конечно, в консерватории труба выше и дым гуще». Это стало для меня важным уроком – исходить прежде всего из интересов ученика, направлять его так, чтобы максимально способствовать раскрытию его потенциала, разглядеть талант педагогический, либо артистический...

– Куда податься выпускнику вуза? Ведь на всех существующих хоров явно не хватает?..

– Один из распространенных вариантов выбора дальнейшего пребывания в профессии после окончания дирижерско-хорового факультета – пойти работать в качестве артиста хора. Тем более что не у каждого выпускника есть творческий и волевой потенциал стать руководителем. Можно научить комплексу технических приемов, объяснить, как выстроить драматургию партитуры, но этого далеко не достаточно для того, чтобы возглавить хор. Для этого требуется быть менеджером в своей профессии. Суметь так организовать процесс, чтобы коллектив успешно функционировал. Многие выпускники создают маленькие антрепризные ансамбли, каких сейчас в Москве очень много. Не могу сказать, что у каждого из них есть своя «ниша», но вокруг себя они собирают аудиторию благодарных слушателей.

– Вы принимали участие в заседаниях Всероссийского хорового общества. Какой акцент вы бы сделали в его деятельности?

– Важно сделать так, чтобы наше искусство стало востребованным в коммерческом плане, чтобы люди хотели покупать билеты на хоровые концерты. Для этого необходимо, чтобы хоровым коллективам оказывалось внимание в СМИ, на телевидении, чтобы в сознании публики хор не был чем-то второстепенным. Надо популяризовать сам жанр хоровой музыки. Об этом неоднократно говорилось, но конкретных шагов пока не видно. Известно, что хоровое пение лучше слушать в зале или в храме, дабы насладиться всей палитрой звучания голосов. Каким бы ни было качество звукозаписи, оно все равно не передаст всей энергетики, идущей от певцов. Так что, думаю, одна из главных задач – через правильно организованную рекламную кампанию привлечь новых слушателей, чтобы хоровики не пели только для хоровиков.

– Кроме академического концертного формата, вы еще работаете в легендарном «Ленкоме». Что привело вас в драматический театр?

– Опять-таки – случай. Мой приятель по Гнесинскому училищу бас Сергей Салтыков участвовал в репетициях спектакля «Мистификация», который готовился в 1998 году в «Ленкоме». В какой-то момент понадобился еще один участник хора, и он позвал меня. До сих пор отчетливо помню тот день, 7 декабря, когда впервые вошел в «Ленком» и меня радушно встретил легендарный заведующий музчастью Василий Калинович Шкиль. Мне повезло, что я попал не в «готовый» спектакль, а смог поучаствовать именно в репетиционном процессе, наблюдать изнутри работу Марка Анатольевича Захарова. Поразительно, как он перевоплощался в каждого из гоголевских персонажей («Мистификация» поставлена по пьесе Нины Садур «Брат Чичиков»). – Прим. редакции), добиваясь от актеров нужного ему рисунка роли, психологизма. Несколько лет я был просто участником вокальной группы Ленкома, но в 2001 году в спектакле «Королевские игры» обрелась вакансия на роль дирижера оркестра.

– На роль?

– Да, я не оговорился. Понятно, что Ленком – театр драматический, и роль музыкантов – второстепенная. Некоторые спектакли идут несколько сот раз, и там музыкальное сопровождение доведено до «автоматизма». Тем не менее, будучи дирижером в «Королевских играх», я постарался добиться большей эмоциональности и контрастов звучания, в чем меня поддержала музыкальный руководитель спектакля, главный хормейстер театра Ирина Борисовна Мусаэлян.

– Я видела вас в «Юноне и Авось». Там вам отведена действительно настоящая, пусть и эпизодическая роль: в дирижера дважды стреляют, потом он воскресает, а в конце и вовсе оказывается фигурой, собирающей вокруг себя всех персонажей в финальной «Аллилуйи любви»...

– Это – культовый спектакль. Надо осознавать, насколько гениальной оказалась постановка Захарова: прошло уже более 30 лет, сменились все исполнители главных ролей, а «Юнона и Авось» остается актуальной, современной и затрагивающей сокровенные струны в душах зрителей XXI века. В спектакле замечательно сошлись все компоненты: гениальная музыка Алексея Рыбникова, стихи Андрея Вознесенского, режиссура Марка Захарова – они вместе на каком-то химическом уровне создают необыкновенную ауру. Благодарен судьбе, что на протяжении 15 лет имею возможность выходить на сцену в «Юноне и Авось», проживая заново волнующую историю великой любви Кончиты и графа Резанова. Я застал в этой роли еще Николая Петровича Караченцова: он каждый раз буквально «рвал жилы» и

«рвал душу», излучая бешеную энергетику. Не было ни одного проходного спектакля, когда бы он играл в пол силы. Сейчас ему на смену пришли двое ведущих актеров своего поколения – Дмитрий Певцов и Виктор Раков, привнеся свои нюансы в образ графа Резанова. Певцов, скорее, продолжает линию Караченцева, трактуя образ в мужественно-брутальном ключе, а Раков более романтичен. Театральный опыт, безусловно, помогает мне, когда я выстраиваю свои хоровые программы.

– У вас есть собственные театральные проекты. Например, японская опера О-Нацу. Почему выбрана такая экзотическая партитура, и насколько актуально сейчас погружаться в коллизии XVII века?

– Всегда манила эта удивительная страна, и когда руководитель центра «Музыкальные культуры мира» Маргарита Каратыгина предложила возглавить руководство этим спектаклем, то с радостью согласился. Премьера оперы, написанной японским композитором Исеем Цукамото, состоялась в 2005 году в рамках фестиваля «Душа Японии». Этот изначально антрепризно-фестивальный проект, рассчитанный на единичный показ, вытянул счастливый билет и имеет яркую исполнительскую судьбу. К настоящему времени мы «прокатили» О-Нацу свыше 20 раз по разным городам России, а отдельные фрагменты проекта даже доехали и до Японии.

Мне показался интересным стиль Цукамото, основанный на слиянии японской интонационной основы с европейской. В его партитуре используются как привычные нам инструменты, фортепиано, виолончель, флейта, так и национальные: барабанчик цзуми, флейта сякухати... Тот же принцип заложен в режиссуре, осуществленной Светланой Григоруцей, воспитанницей Романа Виктюка: минимализм и символика сочетаются с традиционными японскими костюмами, аксессуарами. Так в спектакле возникает свое неповторимое «биополе» благодаря сочетанию этих контрастных пластов.

- ▲ С ансамблем проекта «О-Нацу». 2008
- ◀ Выступление Камерного хора МГК в Музее имени Н. Рубинштейна. 2013
- ▶ С Никитой Борисоглебским и Кузьмой Бодровым. 2012

Конечно, огромную роль в успехе сыграл точный выбор солистов-вокалистов. Заглавная партия в разные годы прекрасно исполнялась Ольгой Балашовой и Ольгой Веселовой. Причем певицы, да и все остальные солисты и хоровой ансамбль специально освоили старо-японский язык, что добавило достоверности действию. Но, думая о публике, в спектакле ввели роль девочки-рассказчицы, объясняющей смысл происходящего на сцене по-русски. А насчет актуальности оперы? Ее сюжет вечен! Как написали в одной из рецензий: «Ромео и Джульетта» на японский лад.

– Сейчас хоровые дирижеры «привязаны» к своим коллективам. Существует ли практика самостоятельных гастролей в вашей сфере?

– За последний год мне дважды довелось выступать в качестве приглашенного дирижера, оба раза – за рубежом, что симптоматично: в России «обменные» хоровые приглашения крайне редки. Позволю себе предварить рассказ впечатлением от заказа, который поступил ко мне в 2009 году. Проект «Образовательный мост» во главе с Людмилой Лейбман обратился ко мне, опять же через воспитанницу Камерного хора по аспирантуре Екатерину Аношкину, исполнить части из оратории американского композитора Руфи Ломон «Свидетельские показания». На тот момент я уже год как организовал Концертный хор на базе МПГУ, и мы приступили к репетициям. Сочинение, написанное современным, остро диссонантным языком, оказалось достаточно трудоемким для разучивания и потребовало много усилий, но результат был очень достойным: российская премьера в Большом зале консерватории в присутствии автора. Впоследствии один из фрагментов этого исполнения был включен в мой компакт-диск «Мозаика чувств», где звучат также сочинения Романа Леденёва, Владислава Агафонникова, Толиба Шахиди, Данияра Дианова, Ирины Дубковой, Юрия Потееенко. На диске записаны не только хоровые сочинения, но инструментальные и камерно-вокальные, среди них работы Михаила Крутика, Марины Воиновой, Ольги Шайдуллиной...

Вскоре последовало ответное предложение исполнить сочинение в Бостоне, его реализовать я смог только в октябре 2012 года. Был объявлен серьезный кастинг и специально собран хоровой коллектив из вокалистов и хоровиков. Меня крайне порадовал уровень подготовки бостонских певчих, как умело они справились с поставленными творческими задачами.

В мае 2013 года по приглашению «The Taipei Philharmonic Foundation» я дирижировал «Всенощным бдением» Сергея Васильевича Рахманинова. Этот Фонд приглашает носителей традиций из каждой страны, чтобы они поработали над своим национальным репертуаром с тайваньскими музыкантами. Они тщательно отбирают кандидатуры – достаточно сказать, что в свое время на Тайпее приезжал Хельмут Риллинг, занимавшийся Бахом.

– Тайваньский Филармонический хор насчитывает 120 певцов – таких огромных коллективов в России вообще нет...

– Да, все партии укомплектованы и очень хорошими головами. Особо отмечу качество теноров: в одной из центральной частей Всенощной, «Ныне отпускаещи», солировал один из рядовых певцов хора, обладающий ярким, поставленным голосом. При этом хор состоит из любителей, музицирующих для души в свободное время.

Но есть и оборотная сторона: на разучивание нотного текста тратится огромное количество времени и сил. Перед моим приездом они готовили «Всенощную» на протяжении двух месяцев. А когда я предложил им спеть «на бис» простой в текстовом отношении номер «Тебе поем» из рахманиновской Литургии, то, к моему огромному удивлению, они с трудом смогли прочесть его с листа, так что пришлось индивидуально проучивать мелодическую линию каждой партии.

Значительная часть времени на репетициях ушла на корректировку фонетического произношения текста, также не все было ими правильно понято в рахманиновской партитуре с точ-

ки зрения музыкальной драматургии, фразировки. Но тайваньские певцы достаточно быстро откликнулись на замечания и реагировали на дирижерский жест, так что на концерте все прошло более чем успешно.

– Удастся выйти за пределы цеховых проблем? За тем, что происходит вокруг – успеваеете следить?

– В этом плане также следую завету Тевлина, не устававшего повторять: «Ходите на концерты, это ваш второй университет». Стараюсь следовать этому принципу и не пропускать важнейших музыкальных событий. Если выставлять рейтинги прошедшего сезона, то для меня на первом месте, без сомнения, мировая премьера «Левши» Щедрина и цикл «Дирижирует и рассказывает Владимир Юровский», продемонстрировавший новый формат построения концерта.

– Мы беседуем на стыке сезонов. Проанонсируйте, что запланировано для Камерного хора?

– В центре – наш персональный абонемент в Малом зале консерватории. Уже 17 сентября прозвучит программа к юбилеям Россини и Шнитке. Выбраны их духовные сочинения с участием органа, объединяющим такие разные имена. Хочу показать этот инструмент в сочетании с хором в сочинениях полярных стилевых направлений. Серьезное выступление состоится в ноябре в рамках фестиваля «Московская осень». Тут планируется много мировых премьер, и особо хочу отметить авторов, пишущих специально по моему заказу для этого концерта: Толиба Шахиди и Кузьму Бодрова. В мае с нетерпением ждем новой встречи с пианистом Даниилом Крамером – блестящим импровизатором, джазменом и большим другом нашего хора.

Масштабной акцией станет мастер-класс «Национальный молодежный хор» под художественным руководством профессора Льва Зиновьевича Конторовича, который пройдет в Московской консерватории уже в четвертый раз. В этом году расширяется возраст участников: помимо студентов вузов, традиционно съезжающихся со всей России, приглашены и учащиеся среднего звена. Причины – повысилась конкуренция во время приемных экзаменов на дирижерско-хоровой факультет и важно, чтобы ребята как можно раньше сделали выбор: чем они хотят заниматься в своей профессии. Считаю, что в XXI веке необходимо сделать акцент на изучение современных хоровых партитур. И для этого созданы все условия на кафедре современного хорового исполнительского искусства Московской консерватории.

*Фото из личного архива
Александра Соловьёва*

▼ С Тайваньским Филармоническим хором.2013

